

У Натальи Резник резкий поэтический жест. Она бывает предельно иронична и самоиронична – в том числе. Стихотворение может веселить читателя, но после его прочтения улыбка становится печальной – открываются боль и страдание, вызывающие у читателя живой эмоциональный отклик.

Д. Ч

МАЯТНИК ФУКО

Нам было просто и легко
Входить и видеть слепо
В соборе маятник Фуко,
Огромный и нелепый.

Бесстыже что-то он чертил
С настойчивостью детской,
Но землю он мою крутил
Вокруг оси советской.

С тех пор прошло сто тысяч лет
В тумане и во мраке.
В соборе маятника нет.
Забыл его Исаакий.

И только очень далеко
В глухом нерусском штате
Качает маятник Фуко
Без устали Создатель.

* * *

Жил человек без походки, лица и почерка,
Без своих поражений, бед своих и побед.
Он в начале анкеты каждой ставил три прочерка,
Да он и не заполнял никаких анкет.

У него не было номера телефона, не было дома,
Не было прошлого, города и страны,
Не было родителей, друзей и знакомых,
Первой жены и уж точно – второй жены.

И этот человек, безликий, безымянный, бездомный,
Которого я придумала, как друзей сочиняют дети,
Он меня любил такой любовью огромной,
Какой не было и не будет никогда на свете.

ДЕТСТВО

Прибиться к остальным ученикам
Пыталась. Нагибалась и кивала,
И голову руками прикрывала,
Но всё равно – лупили по рукам.

* * *

Лечу самолётом из Денвера до Нью-Йорка,
Кучевых облаков пронзая торосы,
Думаю: я когда-то была комсоргом,
Собирала комсомольские взносы.

«Две копейки, – говорила Мелентьеву грубо, –
Вылетишь из комсомола иначе».
У него, как всегда, был один рубль,
У меня, как всегда, не было сдачи.

Потом заполняла ведомость кое-как, убого,
Относила в комитет комсомола.
В ведомости сразу искал фамилию Коган
Не-помню-как-звали – комсорг всей школы.

«С кого денег в этот месяц насобирали? –
Спрашивал меня, улыбаясь косо. –
О, Коган-то не уехала в свой Израиль,
Всё ещё платит комсомольские взносы».

Где это было, в какой идиотской пьесе,
В театре какого провинциального пошиба?

«Спасибо», – на выходе говорю стюардессе.
И она, улыбаясь, по-английски отвечает спасибо.

* * *

Знаю: до последнего вздоха,
До последнего всхлипа мне,
Привередливой, будет плохо
В этой самой лучшей стране.

За дешёвый компотец в жилах
Неподъёмную дань плачу.
Эту я полюбить не в силах
И другой – уже не хочу.

* * *

С Леной Самсоновой дралась в раздевалке
Классе, наверно, в третьем.
Отличников – сказала она – не жалко,
И мы ей за всё ответим.
Она сказала, что я уродливая еврейка,
А сама Лена была веснушчатая блондинка.
Она повалила меня на скамейку
И била по голове чьим-то ботинком.
В памяти эта нелепая сцена
Сменяется радостными картинками,
Но где ты теперь, Самсонова Лена,
Кого теперь колотишь ботинками?

Что, думаю, если бы встретиться нам случилось?
Я с тех пор драться так и не научилась.

ЗАМОК

Когда ты исчез, рядом пересох океан,
Как бы это ни прозвучало странно,
Потом соседей наших накрыл вулкан,
Хотя откуда в этих краях вулканы?

В поисках людей я смотрела в окно
И однажды, к северо-востоку прямо,
Как бы это ни показалось смешно,
Увидела один светящийся замок.

Там сновали тени: в замке жила семья.
Трое детей: девочка, два пострела.
И какой бы душой ни показалась я,
Но я каждый день на замок этот смотрела.

А потом случились ветер, торнадо, дождь
И наводнение в нашей пустынной суши.
Как бы нелепо ни было, ты поймёшь:
Рухнул и этот последний замок. Воздушный.

* * *

Закончились правильные слова,
Рифмы, ровные стихотворные размеры.
Врачи упрямо утверждают, что я жива,
Но врачам у меня с детства не было веры.
Какая может быть жизнь без гладких рифмованных строк,
Изгнанных, правда, из современной поэзии, – вон рутину!
Ещё до того, как сплошной стихотворный поток
Захлестнул всемирную электронную паутину.

Что за стихи без подсчёта слогов в строках,
Делающие жизнь всё бессвязнее и корявей!
Я думала, что могу её удержать в руках,
Но она вырвалась и покатилась, разбрасывая человеческий гравий.

Стихи как жизнь: на словесной дыре дыра,
Жизнь как стихи: беспорядочное движение.
Это всё-таки жизнь – твердят упрямые доктора.
Но что они понимают в стихосложении!

ХАНУКА

Через сорок-пятьдесят лет,
Если меня «Абсолют» не сведёт в могилу,
Я возглавлю семейный обед

Под какую-нибудь «Хаву Нагилу».
Стоя одной ногою у райских врат,
Буду невнятно шамкать родным и близким
Про давно потерянный Ленинград
На ломаном полузабытом английском.
И мои весёлые юные правнуки,
Освещая менорой праздничный стол,
Прошебечут: «Бабушка, хэппи ханука!»
А я им: «Ленин. Партия. Комсомол».

* * *

Застряв среди веток ёлки
Широким воротником,
Висишь, как подарок волку
На ужин – одним куском.

Тебе и легко и страшно.
Сердечко сжимает лёд,
И грудь под ночной рубашкой
Укусов кровавых ждёт.

Зачёсана набок чёлка
Под выглаженный чепец.
Ты ждёшь, замирая, волка,
А волк не идёт, подлец.

Он в городе, в подворотне,
Вжимаясь в дверной проём,
Дрожит. Там живет охотник
С большим боевым ружьём.

Волк щурится глазом красным
И сдерживает озноб,
Предчувствуя сладострастно
Два выстрела – в глаз и в лоб.